

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.21>

Кожокина Ангелина Викторовна

НАЛИЧИЕ ПРИЧИННОЙ И ЗНАКОВОЙ СВЯЗИ В АНГЛИЙСКОЙ ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Статья посвящена исследованию ониматопеи английского языка. Новизна работы заключается в том, что звукоподражательные и звукоизобразительные слова впервые изучаются с точки зрения наличия между их звуковой формой и лексическим значением причинного и знакового отношений. Особое внимание отводится рассмотрению языковых фактов в фило- и онтогенезе, а также автологическому характеру звукоподражательных слов, что указывает на их знаковость. Результатом исследования являются признание факта мотивированности некоторых единиц языковой системы, выявление особенностей раннего этапа семиогенеза, характерных черт мышления древнего человека и ребенка. На основе проведенного исследования автор делает вывод о генетической связи причинного и знакового отношений, а также определяет факторы, которые обуславливают их связь.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 1. С. 96-99. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. **Филимонова Е. Н.** Символика растений в переводных произведениях. «Благородные» растения (на материале переводов с корейского и китайского языков) [Электронный ресурс] // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МаксПресс, 2003. Вып. 25. URL: <https://koryo-saram.ru/simvolika-rastenij-v-perevodnyh-proizvedeniyah-blagorodnye-rasteniya-na-materiale-perevodov-s-korejskogo-i-kitajskogo-yazykov/> (дата обращения: 19.04.2018).
13. **Шошин А. А.** Флоронимы как значимые компоненты словаря «Эр'я» и подходы к их переводу [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2017. Т. 37. URL: <http://e-koncept.ru/2017/771290.htm> (дата обращения: 21.04.2018).
14. **Шумбасова С. С.** Английские флоронимы: способы номинации и классификации // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 2011. № 3. С. 105-114.
15. **Ян Жуй.** Фитонимы с метафорической мотивированностью в русском и китайском языках [Электронный ресурс] // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2008. № 1. С. 46-49. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/6179/1/13%20Ян%20Жуй.pdf> (дата обращения: 16.04.2018).
16. **Японская мифология:** энциклопедия. М. – СПб.: Эксмо; Мидгард, 2007. 464 с.
17. **Four-Character Idiomatic Compounds (四字熟語・よじじゆくご・yojijukugo)** [Электронный ресурс]. URL: <http://home.earthlink.net/~4jword4/index3c.htm> (дата обращения: 10.04.2018).
18. **李下瓜田** (Подозрительные обстоятельства (образное выражение)) [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=李下瓜田> (дата обращения: 10.05.2018).
19. **王德春.** 新惯用语词典. 上海: 上海辞书出版社, 1996年. 471页 (Ван Дэчунь. Новый словарь гуаньюньюй. Шанхай: Шанхайское издательство лексикографической литературы, 1996. 471 с.).
20. **田仲正江, 間柄奈保子.** おぼえて便利な慣用句. 日本: 専門教育出版社, 2007. 147ページ (Танака Масасе, Магара Наоко. Полезные идиомы для запоминания. Япония: Издательство специализированной обучающей литературы, 2007. 147 с.).
21. **小笠原信之.** 日本語の慣用表現. 日本: 専門教育出版社, 1992. 205 ページ (Огасавара Нобуюки. Японские идиоматические выражения. Япония: Издательство специализированной обучающей литературы, 1992. 205 с.).

SYMBOLIC MEANINGS OF FLORONYMS IN THE STRUCTURE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE CHINESE AND JAPANESE LANGUAGES (COMPARATIVE ASPECT)

Kozhevnikov Igor' Rudol'fovich, Ph. D. in Philology

Shevchuk Oksana Pavlovna, Ph. D. in Philology

Merezhko Elena Valer'evna

Far Eastern Federal University, Vladivostok

kozhevnikov.ir@difu.ru; shevchuk.op@difu.ru; merezhko.ev@difu.ru

The article is devoted to the comparative study of the features of floronyms' symbolic meanings in the structure of the phraseological units of the Chinese and Japanese languages. On the basis of the semantic and linguo-cultural analysis of floronyms in phraseological units, it is ascertained that, despite the large number of Chinese loan words in the Japanese language, some symbolic meanings of floronyms, common to the compared languages, have undergone significant changes in the structure of phraseological units. These changes occurred mainly in three directions: in the phraseology of the Japanese language the symbolism of plants was narrowed, modified or rejected for some reason. Separate semantic "lacunae" can also be observed in the phraseology of the Chinese language.

Key words and phrases: floronym; phytonym; symbol; phraseology; phraseological unit; linguo-cultural analysis; code of culture.

УДК 811.1

Дата поступления рукописи: 28.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-9-1.21>

Статья посвящена исследованию ономотопеи английского языка. Новизна работы заключается в том, что звукоподражательные и звукоизобразительные слова впервые изучаются с точки зрения наличия между их звуковой формой и лексическим значением причинного и знакового отношений. Особое внимание отводится рассмотрению языковых фактов в фило- и онтогенезе, а также автологическому характеру звукоподражательных слов, что указывает на их знаковость. Результатом исследования являются признание факта мотивированности некоторых единиц языковой системы, выявление особенностей раннего этапа семиогенеза, характерных черт мышления древнего человека и ребенка. На основе проведенного исследования автор делает вывод о генетической связи причинного и знакового отношений, а также определяет факторы, которые обуславливают их связь.

Ключевые слова и фразы: фоносемантика; причинные отношения; знаковые отношения; признак предмета; восприятие; номинация; мотивированность слова.

Кожокина Ангелина Викторовна, к. филол. н.

Санкт-Петербургский государственный университет

linkoj@yandex.ru

НАЛИЧИЕ ПРИЧИННОЙ И ЗНАКОВОЙ СВЯЗИ В АНГЛИЙСКОЙ ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Ономатопея вызывает неизменный интерес лингвистов. В рамках данной статьи представляется интересным исследовать ономотопеэтическую лексику с точки зрения выявления в ее внутренней структуре смысловых

отношений. Актуальность данной работы определяется тем, что в настоящее время ставится задача изучения языковых явлений, взятых не изолированно, а целостно, в системе их взаимосвязей, что подразумевает более полное исследование языка.

Цель настоящей статьи – показать, что звуковая форма и лексическое значение английских звукоподражательных (ЗП) и звукоизобразительных (ЗИ) слов связаны причинным отношением (ПО) и знаковым отношением (ЗО). В соответствии с данной целью в работе решаются следующие задачи: рассмотреть вопрос мотивированности некоторых единиц языковой системы; определить факторы, обуславливающие наличие между звуковой формой и содержанием ономастических слов ПО и ЗО. Анализ материала осуществляется с применением приемов перевода, метода лингвистического описания, семантического метода. Материалы проделанного анализа могут быть использованы в дальнейшем исследовании связи ПО и ЗО на уровне высказывания, выявления их общих лингвистических особенностей.

Согласно С. В. Воронину, основателю фоносемантического направления лингвистики, «звукоизобразительность – есть свойство слова, заключающееся в наличии необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой произвольной связи между фонемами слова и полагаемым в основу номинации признаком объекта-денотата (мотивом)» [5, с. 166]. Фоносемантическая лексика возникла на основе фонетического подражания неречевым звукам (лязгания, чавкания, чмокания, кусания, звона и др.), источниками которых могут быть различные предметы, существа. Примеры ЗП-слов обнаружены в разных языках. Ср.: англ. *bleat* “to utter the cry of a sheep, goat, or calf or a sound resembling such a cry”, рус. *блеять*, англ. *cluck* “a sound like the call of a hen”, рус. *кудахтанье, клохтанье*, англ. *grunt* “to make a low, rough sound”, рус. *хрюкать*, англ. *cackle* и рус. *хихикать*, англ. *hiss* и рус. *шипеть*, англ. *bubble* и рус. *булькать, пузыриться (о воде)*, англ. *whimper* и рус. *хныкать* и др. [17]. Звуковая оболочка подобных слов некоторым образом имитирует звуки, характерные для предмета или сопровождающие то или иное его действие.

Фоносемантика ставит под сомнение основные положения лингвистической семиотики, в частности – широко известный тезис Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака, и возвращает лингвистов к проблеме «тесей» (*thesei*) и «фюсей» (*physei*), обсуждение которой началось еще в античное время в диалоге Платона «Кратил». Сторонники теории «тесей» полагают, что имя произвольно и принадлежит объекту «по установлению». Сторонники теории «фюсей», напротив, считают, что имя произвольно, оно называет объект «по природе» последнего. С. В. Воронин приводит многочисленные аргументы за теорию «фюсей» и решительно заявляет, что «язык имеет изобразительное происхождение, и языковой знак на начальном этапе филогенеза отприродно (примарно) мотивирован, изобразителен» [5, с. 131-145].

По разным данным ЗИ-лексика составляет от одной десятой до одной трети лексики современных языков. История эволюции языков свидетельствует о том, что в начале развития ЗИ-элементы в них наиболее заметны. Это приводит ученых к выводу об отсутствии как абсолютно мотивированных языков, так и абсолютно немотивированных языков [3; 13].

С. В. Воронин не соглашается с теми, кто признает за звукоподражанием незначительную роль. Он, напротив, утверждает, что количество ономастических и звуко-символических слов в любом языке велико. Рассматривает звукоподражание широко и относит к классу ЗП-слов «не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью» между звуком и значением, «но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной» [5, с. 9].

Вопрос о мотивированности языка, слова восходит к концепции В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, которая, по мнению ученого, служит выражением «духа народа» [7, с. 102]. А. А. Потебня развивал теорию внутренней формы слова и под мотивированностью понимал способ представления неязыкового содержания или внутреннюю форму, «ближайшее этимологическое значение слова», осознаваемое носителями языка (например, слово *стол* содержит в себе образ чего-то стелющегося (корневое *стл*), у слова *окно* сохраняется образная связь с *оком*) [11, с. 97-98, 106]. Русский философ П. А. Флоренский указывал на наличие между звуками фонемы и соответствующими ей состояниями и эмоциями психологической связи [14].

Для доказательства фонетической мотивированности английского языка приведем примеры анализа английской лексики в фоносемантическом аспекте. Так, С. В. Воронин в статье «Об иконической лингвосомиотике боли» на материале английского языка рассматривает 46 слов тематической группы «Физическая боль», большинство из которых он характеризует как ЗП и ЗИ или как предположительно ЗП и ЗИ. Так, например, «сочетание гуттуральных и носовых звуков в слове *anguish* имитирует удушье, сдавленность горла и отражает взаимодействие ощущений и эмоций» [5, с. 154-161].

В статье “The Sound of Swearing” Д. Кристал отмечает, что ономастическая лежит в основе английских ругательств, инвективов [16]. Экспрессивность ругательств формируется на фонетическом уровне за счет звукоизобразительности. Ругательства – это грубые, бранные слова, которые человек произносит быстро, резко, стремительно, эмоционально. При произнесении ругательств человек часто плюется, плачет, вздыхает, громко и пронзительно кричит, хрипит, а также, возможно, бьет кого-то, дерется. Все эти эмоционально-физиологические состояния отображаются в звуковой оболочке английской инвективной лексики. Д. Кристал приводит список слов-ругательств, у которых в начале, в середине и на конце слова находится взрывной, велярный, альвеолярный, фрикативный согласные звуки и краткие гласные звуки. Например: *bugger, dope, poof, bonkers, kike etc.* – *мерзавец, наркоман, гомосексуалист, еврей* (перевод автора статьи. – А. К.) [Ibidem, p. 251]. Кроме того, конкретный звуко-символ *v*, который встречается в начале слова, по мнению

Д. Кристала, усиливает значение рычания, раздражения, гнева, досады, недовольства, озлобленности в таких словах, как *venomous, vicious, vile, vindictive, vitriolic* – злобный, скверный, отвратительный, мстительный, язвительный (перевод автора статьи. – А. К.) [Ibidem].

Для нас важно то, что ученые, пусть и с указанными выше оговорками, признают факт мотивированности некоторых единиц языковой системы. Признание наличия непосредственной связи между звуковой формой и значением в лексике различных языков мира позволяет говорить о том, что значение некоторых слов *детерминировано, причинно обусловлено* звуками внешнего мира, т.е. звуковая форма слова и его содержание связаны ПО.

Далее рассмотрим оноματοпозитическую лексику с точки зрения наличия в ней ЗО между звуковой формой и содержанием. Под знаком мы понимаем некий чувственно данный объект (явление, событие, процесс, предмет), выступающий для человека объективным средством указывания, представления того или иного содержания. Важными характеристиками знака для нас являются его материальность и функциональность. В качестве знака может выступать любой объект окружающего мира в широком смысле этого слова. Любое событие может стать знаком только в том случае, если человек выделит его из окружающей действительности и присвоит ему знаковую функцию, а это значит, что наличие объекта в окружающем мире является основой для осуществления знаковой деятельности. Поэтому, чтобы осмыслить объект знаково, его необходимо сенсорно воспринять (увидеть, услышать). Как уже было сказано, в основе номинации ЗП-слов лежит звуковой (акустический) признак денотата. ЗП-слова имеют перцептивную психологическую природу, поскольку в основе их создания лежит звуковой акустический признак объекта, который человек индивидуально выбрал из множества других признаков и присвоил ему знаковую функцию «быть знаком» объекта, указывать на него. Человек сенсорно воспринимает в окружающем мире различные звуки: *кар, апчи, шлеп* и пр. Он переносит услышанное, принадлежащее окружающей действительности, в сферу языка, называет его. Многочисленные примеры этого процесса номинации можно найти в онтогенезе языка. В своем первом словотворчестве ребенок из бесконечного разнообразия признаков объекта выбирает тот признак, который обладает наибольшей значимостью для него на данном этапе познания. В качестве иллюстрации приведем пример, когда начинающий говорить ребенок слышит гавканье собаки. Поскольку звук *гав – woof, bow wow* связывается в его сознании с собакой, которая его издает (причинно-следственная связь), он начинает называть собаку *аф(ой) – woof, bow wow*, когда видит ее на улице, на картинке или слышит собачий лай за окном. Звук-имя *гав – woof* становится для него *знаком* собаки, замещает, указывает на нее.

В ЗП-словах признак предмета и сам предмет связаны отношением природного физического сосуществования, они всегда появляются вместе, как «часть-целое». Например, признак *гав*: а) выполняет функцию знака, указывает на собаку; б) является частью собаки, поскольку собака порождает характерный для нее звук *гав – woof* (ПО, отношение «часть-целое», отношение природного физического сосуществования). Это связано с тем, что на раннем этапе языкотворчества в начальных представлениях человека имя предмета является частью предмета и указывает на предмет, является его знаком.

У ребенка смысл вещи, действия, ситуации и смысл слов один и тот же. Дети обращаются с именами как с неотъемлемыми признаками объектов. Говоря о начальной примарной мотивированности слова, Л. О. Резников предполагает, что «первоначальная функция знаков действительно выполнялась признаками: значение признака как свойства предмета... с одной стороны, и его значения как знака предмета – с другой, не были расчленены, они сливались. Затем значение признака как знака выделилось... сделался возможным переход к созданию и использованию... условных знаков, прежде всего языковых» [12, с. 112-113].

Отождествление имени и вещи ярко проявляется у диких племен. По этому поводу Э. Сэпир писал: «Об этом свидетельствует широко распространенное ощущение, особенно среди примитивных людей, того действительного (vertual) тождества или достаточно полного совпадения слова и вещи, которые приводят к ощущению магической, волшебной силы слова. Но и на нашем уровне обычно трудно полностью развести объективную реальность и лингвистические знаки, относимые к ней; и кажется, что вещи, свойства и события есть то, что есть их имена» [17, р. 8-9].

Форма и значение смешиваются и в речи взрослых. Как считает Э. Бенвенист, «для говорящего язык и реальный мир полностью адекватны: знак целиком покрывает реальность и господствует над нею; более того, он и *есть* эта реальность (потен отен, табу слов, магическая сила слова и т.д.)» [1, с. 27-28]. Для ребенка ЗП-слово, в котором сливаются признак предмета и его значение, является индексальным знаком предмета [6; 10].

Необходимо отметить еще одну общую черту, характерную для речи ребенка и первобытного человека. Одно слово может относиться одновременно к целой группе объектов, которая объединяет совершенно непохожие вещи [6; 9]. Анализируя этот феномен мышления детей и древнего человека, Л. С. Выготский обнаружил в обоих случаях одну и ту же структуру мысли, которую назвал «мышлением в комплексах». Первые слова-высказывания человека являются синкретичными комплексами, которые отличает недифференцированность формы и неопределенность (диффузность) содержания. Если психологи говорят о синкретичном характере мышления ребенка и первобытного человека, то лингвисты отмечают синкретичность первых языковых знаков человека [8; 15].

Наконец, ЗП-слова обладают свойством автологичности, что обуславливает наличие у них знакового характера. По мнению А. И. Варшавской, «слово может быть признано автологическим, если оно: а) обязательно указывает на свойство, которое слово обозначает, т.е. на его семантику; б) на то, что слово само обладает этим свойством» [2, с. 270].

Что касается ЗП-слов, то они обладают свойством «обозначать звучание, которое характерно и для их звукового облика» (уточнить расстановку кавычек) [2, с. 275]. В качестве примера А. И. Варшавская приводит глагол *to hiss*, который значит *шипеть* и сам *shinum, to whistle – свистеть, to tap – стучать, постукивать*.

В автологическом характере слов, отнесенности слова к чему-то вне себя, к тому, что оно «называет», отражается саморефлексия языка. Автологический характер звукоподражательных языковых элементов означает, что они обладают способностью «говорить» о себе, «указывать» на какое-то свое свойство. Иными словами, они выполняют знаковую функцию, являются знаком своей фонетической звуковой формы.

Таким образом, как представляется, можно говорить о том, что звуковая форма и содержание ономастопозитических слов связаны ПО и ЗО. Основанием для этого утверждения служат следующие факторы: 1) ЗП-слова имеют перцептивную психологическую природу, поскольку в основе их создания лежит звуковой акустический признак объекта; 2) в ЗП-словах между звуком и объектом есть причинная связь, поскольку в представлении человека называемый объект (явление, животное, человек) издает, порождает этот звук; 3) в ЗП-словах между звуком-именем и объектом есть ЗО, поскольку этот звук-имя является знаком объекта, замещает его, указывает на него; 4) первые слова-высказывания человека являются синкретичными комплексами, которые отличает недифференцированность формы и неопределенность (диффузность) содержания; 5) синкретичный характер мышления человека, который ярко проявляется у представителей диких племен, ребенка, но также сохраняется и у взрослого в достаточной степени; 6) ЗП-слова автологичны, они указывают на свою звуковую форму.

Наличие ПО и ЗО между звуковой формой и значением в ономастопозитической лексике, которая принадлежит архаическому пласту языка, и в первых словах человека на раннем этапе семиогенеза свидетельствует о том, что истоки причинности и знаковости берут свое начало на самых ранних этапах семиогенеза, когда мысль получает языковое оформление с помощью звуковых элементов. ПО и ЗО генетически связаны в своем развитии.

ПО и ЗО составляют важный момент познавательной деятельности человека. Их тесное взаимодействие позволяет лучше понять самого человека в целом, особенности его мышления и языка. Проведенный анализ способствует более глубокому пониманию особенностей восприятия и концептуализации человеком окружающего мира, что естественным образом отражается в языке.

Список источников

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
2. Варшавская А. И. Языковые единицы и отношения совместности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 325 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Наука, 1947. 784 с.
4. Воронин С. В. Об иконической лингвосомиотике боли (на материале английского языка) // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии / отв. ред. проф. Л. П. Чахоян. СПб., 2003. Вып. 8. Антропоцентризм в языке и речи. С. 154-161.
5. Воронин С. В. Основы фоносемантики / предисл. О. И. Бродович. Изд-е 2-е, стереотип. М.: Ленанд, 2006. 239 с.
6. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. М., 1982. Т. 2. Проблемы общей психологии. 504 с.
7. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2001. С. 37-298.
8. Дрожащих Н. В. Синергетическая модель иконического пространства языка: дисс. ... д. филол. н. Тюмень, 2006. 376 с.
9. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет / пер. с. фр. Е. Кальщикова. СПб.: Европейский Дом, 2002. 400 с.
10. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 659 с.
11. Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.
12. Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1964. 304 с.
13. Спиркин А. Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления // Мышление и язык / под ред. Д. П. Горского. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 3-72.
14. Флоренский П. А. Строение слова // Флоренский П. А. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1999. Т. 3. Кн. 1. С. 212-230.
15. Шляхова С. С. Фоносемантическая вселенная // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2006. Вып. 41. С. 152-163.
16. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 505 p.
17. Sapir E. Culture, Language and Personality. Selected Essays. Berkley – Los Angeles, 1966. 617 p.

EXISTENCE OF CAUSAL AND SIGN RELATIONS IN ENGLISH ONOMATOPOETIC VOCABULARY

Kozhokina Angelina Viktorovna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
linkoj@yandex.ru

The article is devoted to studying onomatopoeia of the English language. The originality of the study is in the fact that for the first time onomatopoeic and sound-descriptive words are examined from the viewpoint of the existence of causal and sign relations between their acoustic form and lexical meaning. The author focuses on analyzing linguistic facts in philo- and ontogenesis and emphasizes the autological nature of onomatopoeic words, which indicates their sign nature. The research results are as follows: the author has proved the motivation of some language system units, revealed the specificity of early semio-genesis, and the peculiarities of thinking of an ancient man and a child. The findings have allowed the author to conclude on genetic linkage between causal and sign relations and to identify the factors determining their interrelation.

Key words and phrases: phono-semantics; causal relations; sign relations; feature of object; perception; nomination; word motivation.